

А.Я. ЭСАЛНЕК

ПОЭТИКА ЖАНРА И СТИЛЯ^{*}
(на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир»)

Рассматривается поэтика жанра и стиля романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Особое внимание уделяется романной ситуации, романному хронотопу и принципам изображения.

The article deals with the poetics of genre and style of «War and Peace» by L. Tolstoy. The author lay a special emphasis on novel situation, novel chronotop and principles of its depiction.

Русская литература наряду с белорусской составляет весьма значимую часть не только европейской, но и мировой литературы. Многие русские писатели приобрели мировую известность, но в первую очередь это можно сказать о Толстом и Достоевском. По словам Габриеля Гарсия Маркеса, «Война и мир» – самый великий роман, который был написан во все времена». Он может привлекать и русских, и зарубежных читателей разными гранями, но одна из наиболее значимых его особенностей – жанровая структура и связанные с ней особенности стиля. Небезынтересно вспомнить, что Толстой, ощущая себя новатором и размышляя над жанром своего сочинения, писал: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» (Толстой 1981, 356).

Как видим, Толстой думал над жанром своего творения, но не знал, как его обозначить. В последние пятьдесят лет это произведение называют романом-эпосом, но предпосылки такого наименования объясняют по-разному. Важнейшими и основополагающими качествами данного произведения в большинстве случаев признаются широта, объем, масштабность изображаемой жизни, что и представляется основанием для отнесения его к жанру эпоса (Бурсов 1963, Гинзбург 1977). Откуда же происходят указанные особенности, и насколько они свидетельствуют о той или иной жанровой ориентации.

Исходя из семивекового опыта европейской литературы, заметим, что романное начало в повествовательных жанрах обусловлено определенной проблематикой, а ведущей оказывается проблема личности, которая проявляется в потребности найти и показать индивида (героя), обладающего той или иной долей и формой сознания и самосознания, т. е. имеющего или обретающего свое «я». Эта проблематика предопределяет *романную ситуацию*, которая была зафиксирована еще Гегелем, отметившим, что в романе преобладает интерес к «субъективной задушевности характера», к «субъективному характеру страданий и страстей», к «поэзии сердца в конфликте с противостоящей прозой отношений» (Гегель 1958, 273), а затем подтверждена многими исследователями русской и зарубежной литературы XIX–XX вв., в том числе А. Веселовским, Б. Грифцовым, В. Жирмунским, Г. Пospelовым, М. Бахтиным, В. Кожинным, Г. Косиковым и многими другими учеными.

^{*} В основу статьи положен доклад доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой теории литературы МГУ Азии Яновны Эсалнек, сделанный на пленарном заседании международной научной конференции «Славянские литературы в контексте мировой», которая проходила на филологическом факультете БГУ 16–18 октября 2001 г. А.Я. Эсалнек – известный ученый России, внесший большой вклад в исследование теоретических проблем литературоведения – жанра и внутрижанровой типологии, компаративистики. Автор монографий и учебных пособий, получивших признание в научной среде («Своеобразие романа как жанра» (1978), «Типология романа» (1991), «Внутрижанровая типология и пути ее изучения» (1985), «Основы литературоведения. Анализ художественного произведения» (2001) и др.).

Романная ситуация предполагает прежде всего дифференциацию и иерархию персонажей, т. е. выделение главных героев, акцентируя особое внимание на их внутренней жизни и судьбе. При этом в большинстве романов, написанных до Толстого, романная ситуация представляется весьма очевидной в силу явной сосредоточенности внимания на судьбе главных героев, погруженных в определенную среду. Но столь масштабного изображения общества в период войны и мира, какое было задумано Толстым, еще не встречалось, что, вероятно, и заставило писателя усомниться в принадлежности своего сочинения к романной традиции, а исследователей – искать новые подходы к жанру «Войны и мира».

В центре сюжета романа – судьба пятерых героев – Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташи Ростовой, Марьи Болконской и Николая Ростова (всего в «Войне и мире» около 560 персонажей, которые с разной степенью полноты обрисованы автором). Первая встреча с героями происходит в июле 1805 г., а расставание – с А. Болконским в 1812 г., с остальными из названных персонажей – спустя семь лет после окончания Отечественной войны 1812 г. Следовательно, повествование об их судьбах занимает около пятнадцати лет, и масштабность в первую очередь определяется временем, обусловленным романным замыслом, т. е. толстовским пониманием личности, которое предполагает изображение ее становления и осознанно-го обретения ею своего «я» и места в жизни.

Размышляя о жанре и стиле обсуждаемого произведения, можно сделать вывод, что временная дистанция, необходимая для изображения главных героев, и предопределяет сроки действия и своеобразие хронотопа романного типа. Помимо длительности действия, обращает на себя внимание характер течения времени. Толстой не только избегает, но фактически не признает экстремальных ситуаций. В первых двух томах романа излагаются события семи лет (1805 – середина 1812), в ходе которых преобладает ровное течение времени, что сопровождается постоянным указанием на дату того или иного эпизода. В романе даты упоминаются 95 раз, в том числе в первых двух томах – 50, в третьем и четвертом – 45 раз. Но цифра 50 относится к семи годам, а цифра 45 – фактически к одному году. Значит, в конце время как бы сжимается: в 1812 г. даты называются в 40 случаях, в 1813, 1814 и 1820 гг. – в 5-ти. Если не называются число, месяц и время года, то очень часто сообщается: на другой день, через столько-то недель, спустя три дня и т. п., что способствует не только ощущению достоверности изображаемого, но и возможности включения происходящего с героями в историческое время, при этом переплетение романного и исторического времени почти незаметно.

Другая грань хронотопа, место действия, тоже свидетельствует о романном начале как определяющем, ибо это в первую очередь место пребывания главных героев – князя Андрея и Николая Ростова в разных государствах Европы, Пьера – в поездках в Можайск и Бородино; Ростовых и Болконских – в Москве, Петербурге, имениях, а также в Мытищах, Посаде, Ярославле, Воронеже и т. д.

Помимо того что формирование и реализация личностных качеств героев требуют времени, для Толстого очень важно, что их жизнь протекает в окружении людей и в общении с ними. Ближайшее окружение – это семья. Принадлежность к определенному типу семьи и укорененность в ней, по мнению Толстого, – очень важный фактор в формировании индивида как личности. Наиболее благоприятные в этом плане условия сложились для князя Андрея и княжны Марьи. Суровая атмосфера быта в Лысых Горах, постоянная привычка к занятиям, введенная старым князем, навсегда заложили в Андрее стремление к серьезным делам. Княжна Марья – достойная сестра своего брата. Ее муж Николай впоследствии будет восхищаться

ее внутренним миром, хотя сам не склонен к духовно насыщенной жизни. Столь же глубоко связана Наташа с семьей Ростовых, что благоприятно для нее и ее родных. Мир этой семьи – любовь, искренность, простота, естественность, здесь, в отличие от петербургских салонов, не придают чрезвычайного значения ритуалу и положению гостей, помогают, чем могут: деньгами Анне Михайловне Друбецкой, подводами – раненым. Хотя ограничения есть и в этой семье: Соня вынуждена отказаться от Николая, не похожа на остальных старшая дочь Вера. Что касается Николая, то он несколько отличается от Наташи и особенно заметно от Андрея и Пьера. Из университета Николай идет на военную службу и чувствует себя очень хорошо в Павлодарском полку, где все идет, как заведено, и не требуется много думать. Но он верен службе, верен государю, честен, благороден, горд. Он готов, как и Наташа, помочь Денисову, выручает из беды княжну Марью, заботится о матери. Все это в значительной мере следование семейным традициям. Труднее всех Пьеру. У него фактически не было семьи, князь Василий толкал его в среду «золотой» молодежи, в объятия своей холодной и расчетливой дочери Элен, а в двадцать лет отказываться от соблазнов светской жизни весьма непросто. Однако именно Пьер предстает в конце романа серьезно озабоченным судьбами России, но для осознания своей роли в жизни ему потребовалось около пятнадцати лет.

Вовлечение в повествование событий и обстоятельств 1812 г. необыкновенно расширяет пространственные рамки романа, а время, как уже сказано, здесь концентрируется, насыщается событиями непосредственно исторической значимости. Пространство расширяется за счет изображения военных баталлий и передвижений войск, штаба Кутузова, горящей Москвы, оставленной русскими и заполненной французами, партизанских отрядов. В этот период действие не всегда связано с пребыванием в том или ином месте главных героев, ибо основная задача автора показать Россию в тот момент, который Гегель назвал бы героическим состоянием мира, так как решались судьбы страны, а вместе с тем и отдельных людей. Однако герои произведения и сейчас в центре событий, и оно, не утрачивая качества романа, приобретает качества эпоса. В силу этого и хронотоп не меняется, а обогащается, в эпилоге возвращая действующих лиц из героического в романский мир. Поэтому обозначение жанра всего произведения как роман-эпопея оказывается совершенно оправданным.

Указанные жанровые особенности порождают принципы изображения, определяющие стиль Толстого, в наибольшей степени проявившийся в «Войне и мире». Впечатление широты, масштабности, полноты картины мира, воссозданной писателем, достигается в первую очередь характером предметной изобразительности, т. е. умением выпукло, зримо передать внешний облик героев, место действия, будь то дом, пейзаж, поле боя, заседание совета или штаба – словом, быт во всех его проявлениях. Под «бытом» следует понимать и семейный, и общественный быт. При этом Толстой воспроизводит не только и не столько интерьеры, убранство домов, как любил делать Гоголь, сколько поведение людей, пребывающих в стенах загородных или столичных домов, на улицах Москвы и на полях сражений. Великолепно описание именин в доме Ростовых, сборов на бал Наташи и Сони, сцен охоты, видов трапезы в разных семьях, в частности чинных обедов в доме Болконских и непринужденных праздников в доме Ростовых. Для восприятия толстовских картин не нужно много воображения, что является результатом «наглядности» словесного изображения всего происходящего.

Толстой был мастером живописания «коллективных сцен», т. е. всякого рода балов, приемов, раутов, баталлий. В этих развернутых сценах, с одной стороны, вырисовываются характеры действующих лиц, с другой – переда-

ется атмосфера того или иного круга людей или сообщества. Помимо искусства предметной изобразительности, которым он виртуозно владел, Толстой был непревзойден в изображении внутреннего мира персонажей: несколькими штрихами умел передать состояние любого действующего лица. Основная заслуга писателя заключалась в анализе и воспроизведении субъективного мира образов, который требовал особого внимания и соответствующих способов изображения в романе. Именно главные герои заставляют искать различные формы психологического анализа. Психологизм Толстого, как правило, сопоставляют с психологизмом Тургенева и особенно Достоевского. В романах Достоевского психологизм – явный, бросающийся, почти навязчивый, а у Толстого – подчас невидный. Он может быть прямым и косвенным, когда состояние героя передается через внешность, жесты, манеры, мимику и сами поступки. Таким психологизмом пропитан весь роман, а доказательством могут служить многочисленные эпизоды, воссоздающие, например, волнение Наташи перед балом, на балу, перед объяснением с Болконским и т. д.

Психологически выразительны портреты героев, например Андрея Болконского, когда он, покинув Петербург, приехал под начало Кутузова и ощутил себя нужным в военном деле человеком. Прямой психологизм в подавляющем большинстве случаев тоже обнаруживается при изображении романного типа героев и является там, где непосредственно словами передается их состояние. Его своеобразие заключается в сочетании и сопряжении мыслей и настроений, выраженных в прямой речи героя, с мыслями и состояниями, переданными в форме косвенной или несобственно-прямой речи, а также с комментариями повествователя-автора и его рассказом о происходящих событиях. Наличие и взаимодействие этих пластов речи во многом определяет специфику словесной организации текста романа, а вместе с тем его нарративной структуры.

Прямая речь выступает в разных формах высказываний – диалогах, монологах, отдельных репликах персонажей. Диалоги тоже могут быть разными, содержащими беседы на темы повседневной жизни или обмен мнениями по идейно-нравственным вопросам. Но наиболее репрезентативна с точки зрения психологической характеристики героев монологическая форма речи, обращенная, как правило, к самому себе.

Специфическая особенность манеры Толстого состоит в том, что, стремясь как можно полнее и яснее представить внутренний мир главных героев и не перегружать текст прямой речью и кавычками, он прибегает к передаче ее в форме косвенной и несобственно-прямой речи. «Пьер думал о том, что князь Андрей несчастлив, что он заблуждается...» – так выражаются в косвенной речи мысли Пьера во время их свидания в Богучарове. «После Аустерлица! Нет, покорно благодарю, я дал себе слово, что служить в действующей русской армии я не буду. И не буду. Ежели бы Бонапарте стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда я не стал бы служить в русской армии» – пример отражения эмоционально взволнованного состояния Болконского в прямой речи.

Несобственно-прямая речь более сложна и трудна для выделения, так как здесь умственно-психологическое состояние героев передается словами автора, сохраняя при этом особенности их речи. В таких случаях взаимопроникновение образов и автора, в частности привнесение авторского голоса, становится более заметным. Замечательная особенность манеры Толстого заключается в умении незаметно переходить от передачи прямой речи к косвенной, затем несобственно-прямой и обратно, причем так, что переключения эти кажутся очень органичными.

Обратим внимание на речь повествователя, ее место и вариации, особенно в третьем и четвертом томах «Войны и мира». Сохраняя во многом

романный аспект, т. е. подробный рассказ о судьбах ведущих героев, повествование в двух последних томах дополняется воспроизведением исторических событий, связанных со вторжением французских войск в Россию и изгнанием их, и тем самым приобретает эпический характер, формируя в целом сложную жанровую структуру произведения. Исторические события 1812 г., весьма значимые для судеб России, вызывают у автора потребность как можно подробнее охарактеризовать их и сопроводить своими суждениями, т. е. размышлениями об их возможных причинах и существующих оценках. Поэтому речь самого повествователя занимает здесь очень большое место, а своеобразие ее заключается в том, что в ней сочетаются голос Толстого-романиста, Толстого-историка и Толстого-судьи, выносящего приговор иноземным захватчикам и доказывающего, что победа над французами была неизбежна и неотвратима, а главную роль в этой победе сыграло чувство Родины, которое оказалось присуще и мудрому фельд-маршалу Кутузову, и солдатам, и офицерам, и жителям Москвы, покинувшим ее, и мужикам, вступавшим в партизанские отряды или не желавшим продавать сено и прочий фураж французам. Интонация Толстого эмоционально-патетическая, создаваемая различными словесными средствами. Такая интонация особенно ощутима в оценке Кутузова: «Кутузов знал не умом или наукой, а всем русским существом своим знал и чувствовал то, что чувствовал каждый русский солдат, что французы побеждены; но вместе с тем он чувствовал заодно с солдатами всю тяжесть этого, неслыханного по быстроте и времени похода». И далее: «Представителю русского народа, после того, как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на вышнюю степень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер». Здесь важна не только констатация факта, но эмоциональное отношение автора к происходящему.

Итак, предложенный анализ содержательно-формальных особенностей «Войны и мира» позволяет более обоснованно сказать, в чем истоки и каковы показатели жанрово-стилевой структуры великого творения Льва Толстого.

Літаратура

Бурсов Б. И. Лев Толстой и русский роман. М.; Л., 1963; Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977.

Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1958. Т. 14.

Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1981. Т. 7.

Поступила в редакцию 05.12.2001.

